

Утром нужно было сдавать кровь, поэтому Чи Яньчжи отправился в больницу натошак. Все обследования закончились лишь после четырёх часов дня.

Чи Яньчжи стоял один в холле амбулаторного корпуса. Летнее четырёхчасовое солнце по-прежнему палило, но его самого будто бросило в ледяной погреб — зубы непроизвольно стучали.

Целый день без еды, даже воды не пил, а в желудке стояла мучительная тяжесть. Он сжимал в руках небольшую стопку результатов анализов, не зная, есть ли теперь смысл идти к врачу, чтобы услышать вердикт.

Электронный голос трижды проговорил его имя, прежде чем он пришёл в себя. Когда следующий пациент уже готовился войти, Чи Яньчжи тихо пробормотал:

— Прошу прощения.

Тот, похоже, тоже спешил, но, увидев бледное лицо Чи Яньчжи, проглотил готовые сорваться с языка ругательства.

Чи Яньчжи снова тихо поблагодарил и, нажав на дверную ручку, принял свою участь.

Врач смотрел на него, не решаясь заговорить. Омега лишь мягко улыбнулся:

— Рак, верно?

Рак желёз. Синдром истощения феромонов.

Врач несколько раз открывал и закрывал рот, наконец выдавив:

— Это не последняя стадия, пожалуйста, не опускайте руки.

Губы Чи Яньчжи побелели, но глаза пугающе ярко блестели. Он повернул голову, глядя на всё то, что заливало солнце за окном. На всё то, что он так отчаянно пытался любить в этом мире.

Первые признаки появились давно, но он всё не решался подтвердить диагноз. Он хотел дожидаться возвращения Лу Хэна, прощупать его отношение. Но сколько бы он ни ждал, Лу Хэн не возвращался, вплоть до самой смерти своего деда. А это был момент, на который они договорились подать на развод.

Ждать было больше нечего.

Он не понимал, в чём ценность его существования, ему всё казалось бессмысленным. Теперь, когда диагноз подтверждён, стало даже легче — не придётся мучиться от боли, питая пустые

надежды.

— Эту болезнь можно назвать приличной... она не станет, как другие виды рака, уродовать человека до неузнаваемости в конце, — слова врача звучали как утешение, но последующая правда оказалась куда жесточе. — Однако очаг находится в железах, а феромоны разносятся железами по всему телу, поэтому... раковые клетки с огромной вероятностью распространятся по всему организму.

Это значило, что, будучи тяжело больным, он будет выглядеть совершенно здоровым в глазах окружающих. С одной стороны, это сохраняло ему достоинство, с другой — отрезало путь к отступлению. Если он сам не расскажет, возможно, до самой смерти никто не пожалеет его, видя, как он угасает. А он был из тех, кто ни за что не признается в подобном.

— ...Эффективных методов лечения пока не существует... Обычно диагноз ставят уже при явных симптомах, и со временем они будут становиться всё заметнее...

Врач молча смотрел на молодого омегу перед собой:

— Вы состоите в браке, и мы обязаны уведомить вашего альфу. Для дальнейшего лечения потребуется поддержка феромонов вашего супруга.

Омега, который до этого момента сохранял полное спокойствие, наконец отреагировал — в голосе прозвучали нотки тревоги и гнева:

— Я имею право требовать, чтобы вы сохранили мою болезнь в тайне.

— Ваш альфа имеет право знать.

— Он скоро перестанет быть моим альфой.

Врач опешил:

— Почему?

— Мы разводимся, процесс уже запущен, — слово развод, слетевшее с губ, казалось, унесло половину его жизненных сил. — Пожалуйста, сохраните мой диагноз в тайне. Если возникнет необходимость, я сам с ним поговорю.

Врач кивнул, показывая, что понял.

— Если... — Чи Яньчжи послушно выслушал план лечения, но перед тем, как покинуть кабинет, обернулся. — Если удалить железы?

— Пока вы не разведены, для такой операции требуется подпись вашего супруга.

— Понятно, — поблагодарил Чи Яньчжи. — Если я удалю железы, мне станет лучше?

В глазах врача отразилась жалость, он с сожалением покачал головой:

— Проживете максимум на год дольше, зависит от организма.

Чи Яньчжи легко усмехнулся, на его правой щеке появилась крошечная ямочка:

— Спасибо вам.

Год. Кажется, этого достаточно.

Выйдя из больницы, он кое-как сложил результаты анализов и засунул их в пакет с обезболивающим. Не задерживаясь, он лёгкой походкой зашагал прочь.

Солнце клонилось к закату, но всё ещё слепило. Чи Яньчжи прикрыл глаза рукой и перебежал дорогу.

Сердце рвалось домой.

Больница находилась далеко от отеля, где он жил, но совсем рядом с той самой пельменной. Чи Яньчжи шёл всё быстрее, а в конце и вовсе побежал. Хороших новостей не было, поэтому нужно было купить две порции пельменей. Несмотря на то что аппетита не было вовсе, ему казалось, что две порции он осилит. Впервые с начала болезни ему захотелось чего-то поесть.

Он понимал, что сейчас ему нельзя давать себе физические нагрузки, но его душа, долгое время пребывавшая в оцепенении, сегодня вдруг ожила. Человек, который ни к чему не стремился, вдруг увидел лучик света.

Этот свет быстро погас.

Шаги Чи Яньчжи замедлились, и он замер недалеко от пельменной. Она была закрыта.

Чи Яньчжи остолбенел на мгновение, а затем тихо рассмеялся. И правда, он забыл, что такие заведения работают максимум до двух-трёх часов дня. Он так спешил сюда, полный надежд, но опоздал.

Минуты тянулись, небо на западе окрасилось в кроваво-красный цвет. Чи Яньчжи долго стоял на том же месте, не в силах уйти. Он знал, что если действительно хочет поесть, то может прийти завтра пораньше. Но это было бы уже не то. Завтра ему, скорее всего, уже не

захочется.

Чи Яньчжи поднял голову, растерянно глядя на величественный закат, не зная, что теперь делать. Раньше в это время он обычно ходил на рынок за продуктами. Даже зная, что Лу Хэн не вернётся, он упрямо готовил ужин, чтобы стол был накрыт к его приходу.

Он мысленно перебрал всех знакомых и с грустью осознал: он никому не нужен. Казалось, если он перестанет заботиться о Лу Хэне, ему придётся искать новую цель для опеки. В его жизни изначально не было пункта позаботиться о самом себе.

Когда на город опустились сумерки, Чи Яньчжи, волоча ноги от усталости, вернулся в отель. Как только он закрыл дверь, силы окончательно покинули его. Он пошатнулся и рухнул на кровать, пакет с лекарствами выпал из его ослабевших пальцев.

Когда он уже был на грани забытья, зазвонил телефон. На этот раз он посмотрел на экран — номер был незнакомым. Сбросив, он снова услышал звонок. Подумав, что это что-то по работе, Чи Яньчжи ущипнул себя, заставляя собраться, и ответил.

На том конце послышался осторожный голос Лу Хэна:

— А-Янь... не вешай трубку!

Чи Яньчжи и не собирался. Он молчал, с болезненной нежностью вслушиваясь в этот голос.

— Ты... когда приедешь за вещами?

Чи Яньчжи закрыл глаза, голос его звучал спокойно, почти холодно:

— Когда у тебя появится время сходить в ЗАГС.

Нельзя больше тянуть. Ему нужно сделать операцию по удалению желёз. И эта операция — то, что ни при каких обстоятельствах не должно быть подписано Лу Хэном.

<http://bllate.org/book/20237/2016169>